

Г. Г. ЛАНТ

Еще раз о мнимых переводах в Древней Руси

(По поводу статьи А. А. Алексеева)*

Случается нередко нам
И труд, и мудрость видеть там,
Где стоит только догадаться,
За дело просто взяться.

И. А. Крылов

Наука безусловно дело коллективное, основанное на свободном обмене мнениями и открытом обсуждении работ отдельных ученых. Вплоть до 50-х гг. изучение раннеславянского языка и культуры являлось почти исключительно прерогативой славянских ученых, работы которых публиковались или на русском и других славянских языках или же на немецком, в таких центрах, как Вена и Лейпциг. Однако в недавние годы значительно возросло число публикаций и на английском языке, касающихся различных сторон славистики и принадлежащих перу неславянских ученых, работающих в Западной Европе и Америке. При этом наличие специальных библиографических обзоров и критических рецензий по определенным темам всегда облегчало для ученых задачу оставаться на уровне современных идей и концепций. В этом отношении следует приветствовать тот факт, что А. А. Алексеев предпринял попытку дать критический обзор проблем, связанных с раннеславянскими переводами, представленных в английской работе Фр. Дж. Томсона.¹ К сожалению, в этом обзоре крайне неудовлетворительно освещены собственно положения самого Томсона и других авторов, и, напротив, он является свидетельством того, что Алексеев абсолютно неверно понял некоторые важнейшие допущения, методiku исследования и выводы. Со своей стороны я хотел бы прояснить некоторые положения этого обзора, в которых неверно представлена моя собственная работа.

* Редакция «Трудов Отдела древнерусской литературы» получила письмо ученого Гарвардского университета профессора Г. Г. Ланта с просьбой опубликовать его статью на страницах ТОДРЛ. Редакция ознакомилась со статьей Г. Г. Ланта А. А. Алексеева и публикует эту статью (в переводе с английского В. Гитина, Гарвард) и ответ на нее А. А. Алексеева. Употребляемые в статье Г. Г. Ланта не вполне корректные высказывания в адрес А. А. Алексеева оставляем на совести автора.

¹ Алексеев А. А. Кое-что о переводах в Древней Руси (по поводу статьи Фр. Дж. Томсона «Made in Russia») // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. 49. С. 278—295. Далее ссылки в тексте с указанием страниц.

Во-первых, вопрос, лежащий в основе дискуссии, — это вопрос о том, где и когда был переведен на славянский язык «X» (где «X» является названием текста, будь он коротким или пространным). Круг возможных ответов включает в себя Мораву кирилло-мефодиевской миссии, Македонию или западную часть Болгарской империи ок. 890—1120 гг., восточную часть Болгарии того же времени и Русь после 1030 г. (не говоря уже о более поздних территориях и районах). В восточнославянских текстах следует искать данные, которые служили бы указанием как на конкретное время и место, так и на обстоятельства, при которых могло быть принято решение перевести данный текст. Известно, что А. И. Соболевский исследовал огромное количество текстов и заключил, что некоторые из них были переведены на Русь, однако известно и то, что позднее он отказался от некоторых из своих суждений и что многие из его выводов были впоследствии оспорены другими учеными. Теперь нам достоверно известно, что большое количество переводов было сделано южными славянами до 1030 г. и многие по наследству перешли на Русь (а многие из этих последних, вероятно, большинство, дошли до нас только в восточнославянских копиях, датируемых временем после 1250 г.). Располагая этими исходными данными, А. А. Алексеев начинает с постулата веры, с аксиомы, не нуждающейся в доказательстве: существуют «восточнославянские переводы, выполненные в Киевской Руси» (С. 278). Если это так, исследователь должен задаться вопросом: возможно ли, что перед нами восточнославянский текст или мы имеем дело с текстом южнославянским? Если принадлежность эта недоказуема, необходимым следствием будет то, что текст будет классифицирован как «киевский». Те же исходные данные побудили меня к тому, чтобы по поводу каждого текста задать себе вопрос: можно ли найти в «X» какое-либо свидетельство того, что это восточнославянский перевод? Ответ всегда выходил отрицательным. В конце концов я должен был задаться вопросом: почему Соболевский, а с ним и другие с такой уверенностью высказывали предположение, что Киев XI в. являлся центром переводческой деятельности? Традиционный ответ на это один и тот же: «так написано в первоисточнике, в летописной статье 1037 г.». Посмотрим, что же на самом деле говорится в этой статье.

Всякий говорящий на одном из восточнославянских языков, изучая раннеславянскую литературу, считает язык ее текстов как бы *своим*. Для понимания их от него требуется лишь несколько расширить то, что он и так уже знает, а объяснение его сводится к тому, чтобы сказать это по-другому. Однако это не перевод в собственном смысле слова, а скорее пересказ, парифразирование.² К тому же материалу совершенно иначе подходят студенты, для которых ни один из восточнославянских языков не является родным. Прежде чем приступить к изучению раннеславянской литературы, они должны приобрести знание современного русского языка, а также и некоторые познания в старославянском. Два эти языка даются как две разные лингвистические системы, каждая из которых должна быть освоена отдельно. Каждый этап этого длительного процесса связан с сознательным переводом с русского на родной язык, со старославянского на родной и русский языки или на русский язык. Основан-

² Эти наблюдения частично основаны на моем опыте работы с русскими студентами, которые слушали у меня курсы по старославянскому языку и по чтению древнерусских текстов. Мой учитель и коллега Роман Якобсон подчеркивал, что его собственное понимание раннеславянских текстов стало значительно более точным в результате того, что ему приходилось объяснять их сначала по-чешски чешским студентам, а затем по-английски американским студентам.

ные на аналитическом подходе знания, необходимые для профессионального подхода к древнерусскому тексту, существенно другого порядка, чем то импрессионистическое понимание, которое приобретается при изучении того же текста в средней школе.³

I. Свой обзор А. А. Алексеев основывает на двух сходных, как близнецы, аксиомах: киевские переводы существуют в силу того, что (1) так сказал Соболевский и (2) так сказано в летописи. Следуя традиции, он говорит о «летописной записи 1037 г.», где «сказано, что при Ярославе на Руси выполнялись переводы с греческого». При этом он заявляет: «Слова летописи „собра писцы многи и прекладаша от грекъ на словѣньское писмо“ Г. Г. Лант считает „безнадежно испорченными“. Это весьма удивительное мнение: и грамматика, и лексика пассажа вполне понятны, никаких лингвистических и филологических проблем тут нет» (С. 284).

Это непрофессиональный подход; здесь просто повторяется по памяти услышанное в 8-м классе. Неточная цитата не следует ни одному из пяти источников, признанных авторитетным.⁴ Алексеев не дает здесь ни перевода фразы, ни какого-либо ее анализа; кроме того, он забыл упомянуть о тех проблемах, которые были высказаны по этому поводу в моей статье.⁵ Первая из них та, что во всех рукописях *отъ грекъ* значит «от грек, от людей греческой народности» или «от земель, обитаемых греками»; «от Греции, из Греции». Множественное число существительных, обозначающих народность, часто относится к территории, но никогда к языку этой народности. Вторая серьезная проблема — это глагол *прекладаше*.⁶ В связи с ним возникают два вопроса: а) каково его значение, б) почему при нем отсутствует прямое дополнение. Ни в одном из источников до 1400 гг. *прѣкладати* не имеет значения сознательного акта перевода с одного языка на другой, ибо это значение передавалось во всех южно- и восточнославянских текстах через *прѣлагати* / *прѣложити*. (Конечно, с этим значением выступают современное украинское *перекласти* / *перекладати* и белорусское *перекладаць* / *перекласці*, но это есть, я продолжаю утверждать, очевидная инновация, датируемая временем после 1400-х гг. и основанная на польском *przekładać*.) Поэтому *прекладаше* скорее наме-

³ Когда я начал преподавать старославянский язык, я вдруг осознал, что старославянские предложения автоматически вызывают у меня в памяти эквивалентные библейские предложения на английском языке, которые я выучил когда-то в детстве. Однако для меня очень быстро стало очевидным, что моя интуитивная интерпретация английского языка 1612 г. часто значительно отличалась от тех значений, которые я находил в славянской передаче. Перечитывая недавно Шекспира, я мог еще раз убедиться в том, что мое понимание так хорошо известных мне строк основано не на собственном анализе, но на том, что было сказано мне моим учителем. У меня просто нет детального знания грамматики и синтаксиса XVII в., необходимого профессиональному ученому.

⁴ Ср.: ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1. Стб. 152, строки 1—3; ПСРЛ. СПб., 1908. Т. 2. Стб. 139, строки 25—28.

⁵ Lunt H. G. On Interpreting the Russian Primary Chronicle: the Year 1037 // Slavic and East European Journal. 1988. Vol. 32. P. 251—264 (далее в тексте — Lunt с указанием страницы).

⁶ Имперфектная форма третьего лица единственного числа засвидетельствована двумя наиболее важными источниками: Лаврентьевским и Ипатьевским списками, однако Алексеев следует Хлебниковскому списку, беря за основу третье лицо множественного числа аориста *прекладаша*, форму, которая обычно в имперфектных глаголах не употребляется. В Радзивиловском и Академическом списках *прелагаше* указывает на то, что писец-редактор XV в. думал, что в этом предложении речь шла о переводе. Попытки как-то прояснить это темное место, которые делались в средние века, интересны сами по себе, однако они довольно спекулятивны, как спекулятивны и поправки в этом предложении, сделанные Шахматовым (см. следующую сноску).

кает на физическую транспортировку некоего неназванного предмета из Греции в неизвестный пункт доставки, предположительно Киев. Даже если допустить, что объектом этим являются *рукописи* или *книги*, ни на *словѣньское письмо* Лаврентьевского, Радзивиловского и Академического списков, ни вариант на *словѣньскыи языкъ* Ипатьевского и Хлебниковского списков не соответствуют данному контексту. Детально эта проблема изложена в моей статье 1988 г.; главное заключается в том, что ни один из вариантов списков не дает нам связного предложения и ни одна из известных комбинаций этих вариантов также не дает сколько-нибудь лучших результатов.⁷

Приведенная мною выше цитата из разбора Алексеева продолжена у него следующим утверждением: «Свидетельство Жития Мефодия о том, что он перевел целиком Библию, никто никогда не считал „безнадежно испорченным“» (С. 284).

Здесь, к сожалению, смешаны два разных вопроса: вопрос о грамматике и достоверности сказанного. Что касается грамматики, в той фразе из Жития Мефодия, на которую ссылается Алексеев, она безупречна; спорным в ней является вопрос о том, преувеличение ли это, продиктованное благочестивостью (Мефодий, хоть и был подвижником достойным, мог перевести и не все библейские книги), или факт (не поддающийся проверке, ибо часть его работ была утрачена). В летописной фразе 1037 г., о которой идет речь, заключено несколько филологических загадок, и спор здесь должен идти о том, что она вероятней всего могла означать в своей первоначальной полной форме. Вместо того чтобы повторять, что вопрос тут «совершенной ясный» и выражать удивление по поводу высказываемых мною суждений, А. А. Алексееву следует, скорее, продемонстрировать, каким образом он выводит из этой фразы наличие школы переводчиков, которая, как он верит, существовала в Киеве в XI в.⁸ Простая ссылка на мнения (высказанные давно Соболевским или недавно Лихачевым⁹) не есть разумная аргументация.

Последняя часть алексеевского обзора моей статьи касается дополнительного предположения, помещенного мною в сноску и высказанного с надлежащей осторожностью, дающей понятие о гипотетическом ее характере. Хотя это периферийное предположение в основном тексте даже не упоминается, Алексеев выдает его за мою основную мысль. На самом же деле мой главный вывод — это то, что «испорченная фраза о Ярославе не говорит нам ничего, что выходило бы за рамки общепринятого мнения, традиционно считающего его покровителем славянской книжности» (Lunt. P. 261). Я продолжаю настаивать на том, что здесь (а также и везде, где только мы имеем дело с неясным местом) *любая* интерпретация должна быть признана предположительной. «Главное заключается в том,

⁷ Алексеев забыл упомянуть, что моя статья воспроизводит реконструкцию этого предложения, сделанную А. А. Шахматовым (Шахматов А. А. Повесть временных лет. Пг., 1916. С. 192), а также полные тексты Лаврентьевского, Радзивиловского, Академического, Ипатьевского и Хлебниковского списков. В отличие от Алексеева, Шахматов думал, что предложение это, чтобы иметь смысл, должно быть радикально исправлено, однако исправление его не сообразуется с каким бы то ни было свидетельством в рукописях. Он заменяет *от грекъ на отъ гръцьска*.

⁸ Связь у Алексеева двух фраз становится понятней в конце его статьи, когда он решает, что «статья летописи под 1037 г. о школе переводчиков при Ярославе не кажется достоверной» (С. 295). Вместо того чтобы признать отсутствие определенных ссылок на переводы — а еще менее на школу переводчиков! — он видит в этом некую тайну, ларец с секретом.

⁹ Ср.: Лихачев Д. С. Комментарии // Повесть временных лет. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 376.

что мы сознательно отдаем себе отчет в предположительном характере наших интерпретаций» (Ibid.).

II. Диссертация А. А. Алексеева и несколько опубликованных им статей имеют своим предметом славянские переводы «Песни песней». Надо отдать ему должное в том, что он издал несколько текстов, которые теперь каждый может изучать, приходя при этом каждый к своим выводам. К сожалению, собственный его анализ и объяснение материала, по-видимому, были сделаны в спешке и с небрежением, ибо изложение в них путанно, а выводы неубедительны. Жаль, что он отказывается принять во внимание другие уже имеющиеся суждения; его реакция часто лишена методологической последовательности и нередко демонстрирует простое непонимание им этих соображений. В частности, он постоянно прибегает к понятию *текстология* как к своего рода *deus ex machina*, которая призвана решить все проблемы. Главной моей претензией к нему является то, что при рассмотрении любой из подробностей ему не хватает последовательного метода анализа, в то время как обычный критический метод дал бы совершенно другие результаты.¹⁰ В своем обзоре 1996 г. он ссылается на мой довольно подробный анализ некоторых текстов, опубликованных им. Сначала он заявляет о том, что мое заключение сводится к тому, что не имеется никаких убедительных доказательств в пользу того, что Толковая «Песнь песней» была переведена за пределами Болгарии. А далее утверждает следующее: «Г. Г. Лант не мог привести *свидетельств* того, что перевод сделан в Болгарии, не выходя за пределы того материала, который приведен в моем исследовании этого толкового перевода, и Г. Г. Лант за пределы этого материала не вышел. Статья его представляет собою только рецензию, она не вводит ни одного нового источника» (С. 286).

Два эти предложения могут служить образцом возражения, имеющего в английском языке название *stonewalling*: когда отказываются ответить на поставленный вопрос, намекая на то, что здесь существует какая-то другая проблема.¹¹ Восемь страниц, которые я посвятил этому толковому переводу,¹² являются разбором алексеевского анализа и заключаются утверждением, что «восточнославянское происхождение всех *списков* говорит в пользу старославянского происхождения оригинала» (Lunt. The Old. S. 302). Другими словами, ничего из того, что приводит Алексеев, не подтверждает его уверенности в том, что перед нами восточнославянский перевод; а если это так, неизбежно заключение о том, что этот текст должен быть поставлен в один ряд с текстами, импортированными на Русь с юга. Вопрос, разбираемый здесь, касается одного конкретного текста, поэтому не имеет никакого смысла включать сюда какие-либо дополнительные источники. Главным фактором здесь является связь библейских стихов с толкованиями, в которые они вставлены, в связи с чем я и писал, что «методологически совершенно необходимо рассматривать отдельно все возможные подразделы, а в особенности ни в коем случае не смешивать саму „Песнь песней“ и объяснительные слова, фразы и предложения истолкователя ее» (Ibid. S. 298); «До тех пор, пока полный

¹⁰ Попытка Алексеева противопоставить текстологию лингвистическим данным (С. 287) не имеет большого смысла. В его работе видна неуверенность по поводу лингвистических форм и грамматического анализа.

¹¹ Глагол *to stonewall* подразумевает «огородиться каменным укреплением».

¹² См.: Lunt H. G. The Old Church Slavonic Song of Songs: one translation or two? // Die Welt der Slaven. 1985. Bd 30, N 2. S. 297—304 (далее в тексте — Lunt. The Old с указанием страниц).

текст толкования не будет напечатан, невозможно сделать заключение о целом ряде пускай мелких, но важных проблем, а следовательно, правильно оценить и библейские стихи, имеющиеся в тексте (Ibid. S. 314). Ответ Алексеева на мою критику 1985 г.¹³ является более пространным примером уже упомянутого мною *stonewalling*, в частности, он демонстрирует свое нежелание различать первоначальный перевод и различные его редакции, что представляет собой существенный компонент в текстологии (см.: Ibid. S. 289—291).

III. По словам Алексеева, Томсон утверждает, что славянская Книга Эсфири была переведена в Сербии (С. 287). Это не соответствует фактам; Томсон весьма осторожно пишет о том, что перевод был сделан «ожным славянином».¹⁴ Затем Алексеев заявляет, что М. Альтбауер и М. Таубе также защищали положение о том, что перевод был сделан в Сербии; и это не соответствует фактам, так как израильские ученые были еще осторожнее в своих выводах.¹⁵ Они удовольствовались лишь наблюдением, что, хотя в первом по времени тексте, который можно реконструировать, и присутствует ранний восточнославянский пласт, южнославянские черты «представляются архаичными», согласуясь с тем, что «перевод архаичен, а не с тем, что он был сделан на Руси».¹⁶ Алексеев продолжает: «...затем М. Таубе присоединился к Г. Г. Ланту и согласился с русским происхождением перевода».¹⁷ Но этого Фр. Томсон предположил не заметить и приписал Г. Г. Ланту чуждый ему взгляд» (С. 287).

Совершенно очевидно, что А. А. Алексеев неправильно понял все, что мы с Таубе писали по этому поводу. Существуют три основных вопроса: (1) где, (2) когда и (3) с какого языка был сделан перевод. Алексеев в сноске 26 указывает на то, что мы в статье 1988 г. имеем дело с третьим вопросом.¹⁷ Мы считаем, как считал А. И. Соболевский, что славянский переводчик имел перед собой греческий текст, который был утрачен (Н. А. Мещерской и А. А. Алексеев думают, что перевод был сделан непосредственно с древнееврейского). Вместе с тем, ввиду того что предельно испорченный сохранившийся текст полон лингвистическими противоречиями, было бы опрометчиво отважиться на какое-либо утверждение о времени и месте перевода.¹⁸

* * *

В 1985 г. я указал на множество недостатков в работах А. А. Алексева и предложил иную интерпретацию тех материалов, которые благо-

¹³ Alexeev A. A. Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung altkirchenslavischer Übersetzungstexte // Die Welt der Slaven. 1986. Bd 31, N 2. S. 415—438. См. мою реплику: Kurze Erwiderung // Ibid. S. 438—439.

¹⁴ Thomson F. J. «Made in Russia»: A Survey of the Translations Allegedly Made in Kievan Russia // Millennium Russiae Christianae: Tausend Jahre Christliches Rußland. 988—1988. Köln; Weimar; Wien, 1993. S. 309 (далее в тексте — Thomson с указанием страниц).

¹⁵ Altbauer M., Taube M. The Slavonic Book of Esther: When, Where, and from What Language Was It Translated? // Harvard Ukrainian Studies. 1984. Vol. 8. P. 304—320.

¹⁶ Ibid. P. 319.

¹⁷ Lunt H. G., Taube M. Early East Slavic Translations from Hebrew? // Russian Linguistics. 1988. Vol. 12. P. 147—187.

¹⁸ Наше полное издание и лингвистический анализ Книги Есфири, принятой к печати Украинским научно-исследовательским институтом при Гарвардском университете, несмотря на множество новых фактов, отражает ту же осторожность в интерпретации. Предварительные гипотетические возможности можно найти в конце недавно опубликованной нами статьи: The Slavonic Book of Esther: Translation from Hebrew or Evidence of a Lost Greek Text? // Harvard Theological Review. 1994. Vol. 87. P. 347—362. В целом наиболее правдоподобной представляется версия, что южнославянский переводчик работал над переводом до 1020-х гг.

даря ему сделались доступными для ученых. Я выразил опасения по поводу «небрежности некоторых его работ и поспешности некоторых выводов» (Lunt. The Old. S. 314), надеясь, однако, что он учтет эти замечания. Последующий опыт показывает, что он не только не устранил этой небрежности, но часто неверно понимает работы, написанные на английском языке, и демонстрирует неспособность ответить на критические замечания в порядке подобающей ученому дискуссии. (Не говоря уже о том, что он постоянно предлагает не имеющие значимости темы.) Его разбор 1996 г. статьи Фр. Томсона дает явно искаженную картину того, что Томсон написал на самом деле, и создается впечатление, что он не в состоянии сделать различие между информацией, предоставляемой нам рукописью, и фикциями, созданными учеными. Он упорно отказывается иметь дело с противоречиями, существующими в предположениях и методологиях, и по-прежнему не обращает внимания на лингвистические проблемы и проблемы, связанные с переводом. Противоядие против таких искажений достаточно просто: пускай читатель сам разберется в том, что написал Томсон и другие, и сравнит это с интерпретациями Алексеева.

Я читал большую часть из опубликованных работ Томсона и Алексеева. На мой взгляд, Томсон несравненно более добросовестный, компетентный и заслуживающий доверия ученый. Широта его знаний и опыт работы со средневековыми текстами и переводами дают ему возможность внести ясность в вопросы, связанные со многими славянскими текстами и их греческими оригиналами. Он совершенно ясно отдает себе отчет в том, как и почему он приходит к тому или иному выводу, и убедительно рассеивает множество недоразумений в науке. Алексеев все еще находится в зависимости от мнений своих учителей и часто кажется неуверенным в своих собственных суждениях. В разногласиях между Томсоном и Алексеевым позиция первого представляется мне всегда более убедительной. Я не рассматривал все 70 текстов, исследуемых Томсоном в его обзоре 1993 г., однако я знаком с большинством основных текстов, и я полностью подписываюсь под его здравым заключением (Lunt. The Old. S. 308), что ни об одном из этих текстов нельзя с определенностью сказать, что он был переведен в Киевской Руси.